

УДК 821.112.2

С. С. Проданик,

факультет иностранных языков,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Н. М. Киселева

Своеобразие идиостиля Эриха Кестнера (на материале повести «Эмиль и сыщики»)

Аннотация. В статье рассматривается идиостиль немецкого писателя XX в. Э. Кестнера. Определяется, что своеобразие стиля писателя в повести «Эмиль и сыщики» обусловлено автобиографической основой текста. Помимо автобиографизма идиостилю Кестнера свойственны историческая достоверность, метафоричность, экспрессивная идиоматичность, легкое повествование, имитирующее увлекательно-доверительный разговор с читателем-подростком.

Ключевые слова: немецкая литература XX в., творчество Э. Кестнера, идиостиль, изоморфизм, метафора, идиома, ирония.

Произведением, принесшим Эриху Кестнеру мировую славу, стала повесть для детей «Эмиль и сыщики» (*Emil und die Detektive*, 1929). Вместе с тем начало творческого пути Э. Кестнера было отмечено остросоциальными произведениями для взрослых, в них идиостиль писателя был полон обличительной сатиры, политических аллюзий. Одним из ярких сатирических приемов в таких произведениях стала абсурдизация настойчиво повторяемого утверждения: в стихотворении «Человек добр!» (*Der Mensch ist gut!*, 1928) Кестнер многократно повторяет главный посыл текста — «Человек добр» (цит. по: [3, с. 110]), тем самым опровергает его, саркастически едко высмеивая пороки людей — раболепие, жадность и чиновничество.

Произведения для детей, созданные Кестнером почти одновременно с текстами для взрослой аудитории, демонстрировали, что идиостиль писателя мог иметь совсем иные черты. Нотки юмора, увлекательно-доверительная беседа повествователя с читателем-подростком, элементы подростковой речи в нарративе автора, на наш взгляд, появились у Кестнера потому, что эти тексты имели автобиографический характер, а о своем детстве писатель сохранил самые приятные воспоминания. В детективной повести «Эмиль и сыщики» нет пространных автобиографических признаний, но в судьбе литературного Эмиля узнаются отдельные факты биографии Кестнера (жизнь в небольшом городке, борьба родителей за материальное благополучие, сердечные отношения сына и матери). В повести автор следует правилу писать о том, что ему известно [1, с. 161]. Стремле-

нием к автобиографической достоверности объясняется сходство имен героя, Эмиля Тышбайна, и автора, полное имя которого — Эмиль Эрих Кестнер. Единство имен не только свидетельствует о биографическом сходстве писателя и его персонажа, но и объясняет лингвистический изоморфизм речи автора и персонажа: писатель с легкостью имитирует речь мальчика. Свидетельство тому — выбранная нарративная стратегия: чаще мысли Эмиля передаются с помощью несобственно-прямой речи повествователя. К примеру, описывая эмоции от первой встречи Эмиля с Берлином, автор сначала по-мальчишески удивленно восклицает: *Diese Autos!.. So ein Krach!.. Und von allen Seiten Straßenbahnen, Fuhrwerke, zweistöckige Autobusse!.. Und hohe, hohe Häuser. Das war also Berlin* [4, S. 53]. А затем подытоживает от лица взрослого: *Emil hätte sich gern alles in größter Ruhe betrachtet* [4, S. 53]. Другим примером близости автора и героя стало введение во взрослую речь повествователя экспрессивных идиом, более присутствующих мальчишеской речи; отказ от драки с кузиной аргументируется бравурным выражением: *Und wenn er ihr einen Uppercut geben würde, müsste man sie hinterher von der Wand runterkratzen* [4, S. 39]; а в рассказе о неудачной погоне звучит разговорная фраза: *Dann war es aus* [4, S. 53]. В детективной повести мы находим обилие разговорных лексем: *Kerl* [4, S. 75]; *Quatsch* [4, S. 135]; *Nußknacker* [4, S. 95]; *Flohkiste* [4, S. 93] (так сказано о гостинице), а поскольку речь идет о мальчишеской компании, то не обошлось без более грубой, бранной лексики: *Lümmel* [4, S. 128], *Mißgeburt* [4, S. 63]. В повести разговорную лексику используют

и персонажи, и повествователь, она придает стилю Кестнера непринужденность, жизненную неофициальность, эмоциональную остроту.

О многих биографических фактах писатель лично рассказал в своих повестях для детей: воссоздал образ матери, быт семьи, передал приметы времени, например, упомянул о конке как основном средстве передвижения в провинциальном городке. Тем самым стиль писателя обладал не только автобиографическими, но и исторически достоверными чертами. Слова-историзмы в детективной повести встречаются довольно часто, к ним относится не только конка, но и, например, профессия отца Эмиля — «жестянщик» (*sein Vater, der Herr Klempnermeister Tischbein* [4, S. 14]). Обращение к словам-историзмам позволяет Кестнеру и воспроизвести дух культурной эпохи, и разбудить любопытство детей: к примеру, говоря о конке, повествователь не дает сразу пространного и сухого объяснения этому средству передвижения, сначала он задает вопрос юным читателям: *Знает ли кто-нибудь из вас, как выглядит конка?* [1, с. 177]. Затем по-детски просто, легко и с долей юмора автор поясняет: *Конка — это, прежде всего, совершенно невероятная штука. Представьте, она катится по рельсам, как настоящий взрослый трамвай, и вагоны у нее как у трамвая, но тащит ее не мотор, а лошадь* [1, с. 177]. Кстати, иронично добавляет автор, если житель Нойштадта спешит, то он не ждет конку, а идет пешком.

Ироничный, легкий — такие определения звучат часто, когда ученые говорят о стиле детских произведений Кестнера [2, с. 134]. Особую выразительность придают авторскому стилю метафоры и метафорические сравнения. В изучаемом произведении метафора — важный элемент текста, она не просто добавляет тексту выразительности, она делает понятным для детей сам процесс творчества: в начале повести «Эмиль и сыщики» Кестнер рассказывает, насколько сложно автору разбудить фантазию и создать образ героя. Творческие муки завершаются разглядыванием стула, и писатель вдруг метафорически замечает *икру ножки стула*. Мебельная метафора подсказывает автору следующий шаг — икра стула сравнивается с икрой ноги школьника, так рождается образ: эти ножки стульев *...die Stuhlbeine Waden hatten... als*

gehörten sie... Schulkindern mit braunen Strümpfen [4, S. 9]. Затем к автору приходит озарение, и в его памяти всплывает фамилия героя — Тышбайн; правда, Кестнер заменяет при этом одну метафору (*ножка стула*) на другую (*ножка стола*). Фамилия *Тышбайн (Tischbein)* на немецком языке и означает «ножка стола».

Еще одна примета идиостиля Кестнера — обилие образно-экспрессивных выражений: сравнений и идиом. Остановимся на наиболее показательных примерах: так, в первые часы выслеживания вора в Берлине поведение Эмиля сравнивается с поведением индейца: *Emil schlängelte sich wie ein Indianer durch die Menschenmassen* [4, S. 51]. Эмоциональное сравнение не только показывает диковатую провинциальность Эмиля, но и его зоркую наблюдательность, цепкость его взгляда (мальчик старался не упустить вора). Кроме того, такое сравнение придает тексту остро приключенческий характер. Эмоциональных сравнений в повести достаточно много: стук сердца Эмиля автор соотносит с *уханьем парового молота*: *...Sein Herz pochte wie ein Dampfhammer* [4, S. 47]. Повышают градус повествования и эмоциональные идиомы, передающие состояния, переживания, чувства персонажей. Например, настаивая на своей самостоятельности, Эмиль восклицает, что он не маменькин сынок: *...bin ich noch lange kein Muttersöhnchen* [4, S. 88]. А убеждая команду мальчиков действовать согласованно, чтобы поймать вора, Эмиль настаивает: *Und wenn du wiederkommst, bin ich über alle Berge* [4, S. 65]. Идиома *Über alle Berge sein* имеет значение «поминай как звали».

Итак, серьезный стиль Э. Кестнера в текстах для взрослых сменяется иронично-легким идиостилем в детской повести. Стилевыми доминантами идиостиля Кестнера в детективе «Эмиль и сыщики» оказываются автобиографизм и историческая достоверность; лингвистический изоморфизм повествователя и героя; метафоры, экспрессивные идиомы и разговорная лексика; повествование, имитирующее разговор автора с ребенком-читателем. На наш взгляд, эти элементы стиля, с одной стороны, обусловлены теплыми воспоминаниями автора о своем детстве, с другой стороны, определены природой детективного жанра и спецификой читательской аудитории.

1. Кестнер Э. Эмиль и сыщики / пер. с нем. Л. Лунгиной // Кестнер Э. Повести. — М. : Правда, 1985. — С. 160–250.

2. Рудова Л. Веселые сыщики Эриха Кестнера в культурном пространстве застоя // Детские чтения. — 2019. — Т. 15, № 1. — С. 127–144.

3. Сейбель Н. Э. Трансформация концепта «Человек добр» в немецкоязычном экспрессионизме // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Социально-гуманитарные науки. — 2021. — Т. 21, № 4. — С. 107–113.

4. Kästner E. Emil und die Detektive. — Korneuburg : Ueberreuter Verlag, 1994. — 137 S.